

Ковалевская Татьяна Вячеславовна

МАРМЕЛАДОВ КАК МИКРОКОСМ: ГРЕХОПАДЕНИЕ, АПОКАЛИПСИС И НАРОДНОЕ ХРИСТИАНСТВО

В статье рассматривается монолог Мармеладова о Страшном суде, прослеживаются структурные параллели и идейные различия между этим фрагментом и народными духовными стихами. Впервые разбирается этимология фамилии "Мармеладов" ("медовое яблоко"), которая показывает его "всечеловечность": Мармеладов подобен Адаму, по своей воле совершившему грехопадение. Так Мармеладов становится микрокосмом, в котором воплощается все человечество от начала до конца времен, и отношение Раскольникова к Мармеладову и его семье воплощает в себе взаимоотношения Раскольникова со всем человечеством.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/2-1/9.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 2(56): в 2-х ч. Ч. 1. С. 38-42. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/2-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 821.161.1

В статье рассматривается монолог Мармеладова о Страшном суде, прослеживаются структурные параллели и идейные различия между этим фрагментом и народными духовными стихами. Впервые разбирается этимология фамилии «Мармеладов» («медовое яблоко»), которая показывает его «всечеловечность»: Мармеладов подобен Адаму, по своей воле совершившему грехопадение. Так Мармеладов становится микрокосмом, в котором воплощается все человечество от начала до конца времен, и отношение Раскольникова к Мармеладову и его семье воплощает в себе взаимоотношения Раскольникова со всем человечеством.

Ключевые слова и фразы: «Преступление и наказание»; этимология; библейский контекст; духовные стихи; Страшный суд.

Ковалевская Татьяна Вячеславовна, д. филос. н., доцент
Российский государственный гуманитарный университет
tkowalewska@yandex.ru

МАРМЕЛАДОВ КАК МИКРОКОСМ: ГРЕХОПАДЕНИЕ, АПОКАЛИПСИС И НАРОДНОЕ ХРИСТИАНСТВО

Проблематика соотношения творчества Ф. М. Достоевского и народного христианства, отраженного, в частности, в русских народных духовных стихах, уже становилась предметом внимания исследователей [3; 4], однако работы по этой тематике появляются достаточно спорадически, тогда как параллели между творчеством Достоевского и духовными стихами как отражением народного христианства требуют более пристального внимания.

В данной статье будет подробно рассмотрен один отрывок из «Преступления и наказания» – ранняя встреча Раскольникова и Мармеладова в трактире, где пьяный Мармеладов рассказывает всю историю своей семьи, а также излагает собственные представления о Страшном суде и его исходе для самого Мармеладова и подобных ему пьяниц. Мы покажем, как структурные параллели между рисуемой Мармеладовым картиной Страшного суда и духовными стихами обнажают глубинные различия между народным христианством и воззрениями самого Достоевского, а также как Мармеладов превращается в своеобразный микрокосм, в персонажа, который, словно Всякий (Everyman) из моралите, воплощает в себе судьбы всего человечества от возникновения мира до его конца. В таком контексте отношения Раскольникова с Мармеладовым и его семейством в целом превращаются в символические взаимоотношения со всем человечеством, и если Соня будет помощницей на пути духовного возрождения Раскольникова, ее отец сыграет в этой трагедии прямо противоположную роль.

Рассказав всему трактиру историю своей семьи во всех подробностях, Мармеладов несколько неожиданно переходит к теме Страшного суда. Достоевский создает для Мармеладова его собственный вариант последнего судилища.

«...а пожалет нас тот, кто всех пожалел и кто всех и вся понимал, он единый, он и судия. Приидет в тот день и спросит: “А где дочь, что мачехе злой и чахоточной, что детям чужим и малолетним себя предала? Где дочь, что отца своего земного, пьяницу непотребного, не ужасаясь зверства его, пожалела?” И скажет: “Прииди! Я уже простил тебя раз... Простил тебя раз... Прощаются же и теперь грехи твои мнози, за то, что возлюбила много...” И простит мою Соню, простит, я уж знаю, что простит... Я это давеча, как у ней был, в моем сердце почувствовал!.. И всех рассудит и простит, и добрых и злых, и премудрых и смиренных... И когда уже кончит над всеми, тогда возглаголет и нам: “Выходите, скажет, и вы! Выходите пьяненькие, выходите слабенькие, выходите соромники!” И мы выйдем все, не стыдясь, и станем. И скажет: “Свиньи вы! образа звериного и печати его; но приидите и вы!” И возглаголят премудрые, возглаголят разумные: “Господи! почто сих приемлеш?” И скажет: “Потому их приемлю, премудрые, потому приемлю, разумные, что ни единый из сих сам не считал себя достойным сего...” И прострет к нам руце свои, и мы припадем... и заплачем... и все пойдем! Тогда все пойдем!.. и все поймут... и Катерина Ивановна... и она поймет... Господи, да приидет царствие твое!

И он опустился на лавку, истощенный и обессиленный, ни на кого не смотря, как бы забыв окружающее и глубоко задумавшись» [6, с. 21].

В образности, стилистике, лексике и синтаксисе монолога Мармеладова присутствуют параллели с народными духовными стихами, однако идейно духовные стихи и апокалипсис Мармеладова оказываются диаметрально противоположными.

В духовных стихах создается собственная пеккатология, значительно отличающаяся от любого классического варианта.

Я топерь вас, грешных,
Всех к Себе на суд дождал,
Всем вам по делам воздам:
Иным будет грешникам,
Иереям-священникам
И судиям неправедным, –
Погреба им будут глыбокие,

Мразы им будут лютые:
То им мука вечная,
Житье бесконечное!
Иным будет грешникам,
Мужам-беззаконникам,
Иным будет грешницам,
Женам-беззаконницам

И младенческим душегубницам, –
 Котлы им будут медные,
 Огни разнообразные,
 Змеи груди их высосаемы,
 И сердце вытягаемо:
 То им мука вечная,
 Житье бесконечное!
 Иным будет грешникам,
 Глумотворцам и просмешникам, –
 Смола им кипучая,
 И зубные скрыжания,
 И плач им непрерывный:
 То им мука вечная,
 Житье бесконечное!
 Иным будет грешникам,
 Клеветникам и язычникам, –
 Язык в темя вытягнут
 И за языки повешены на удах железных:

То им мука вечная,
 Житье бесконечное!
 Иным будет грешникам,
 Пьяницам и корчевницам,
 Чады им будут горькие
 И смрады им великие:
 То им мука вечная,
 Житье бесконечное!
 Иным будет грешникам,
 Плясунам и волынщикам, –
 За хребты они будут повешаны
 Над плитам над каленым
 И на гвоздье железное:
 То им мука вечная,
 Житье бесконечное!
 Иным будет грешникам,
 Сребролюбцам и грабителям, –
 Червь им будет неусыпаемая [1, с. 179-180].

В других вариантах духовных стихов среди грехов, за которые карают на Страшном суде – порча младенцев во чреве, лишение коров молока и т.д. Как отмечал Г. Федотов в работе «Стихи духовные. Русская народная вера по духовным стихам», список предлагаемых грехов – это список грехов народа, живущего архаической сельской родовой жизнью, и поэтому в число грехов включены проступки, влияющие на поддержание жизни семьи и рода и их благосостояние. Это – грехи «против религии рода» [10, с. 76]. Стоит отметить, что грех самого Мармеладова, грех пьянства, занимает особое место в народной пеккатологии, существует даже особый стих, посвященный ему.

Монолог Мармеладова представлен как своеобразное эсхатологическое пророчество – после окончания монолога он в изнеможении опускается на лавку, словно пророческий дух оставил его. Разумеется, это не отменяет трагикомической стороны его монолога, призванного служить самозащитой и самооправданием; это особенно очевидно, когда Христос у Мармеладова говорит: «Потому их приемлю, премудрые, потому приемлю, разумные, что ни единый из сих сам не считал себя достойным сего» [6, с. 21]. Слова Мармеладова внутренне противоречивы. Мармеладов утверждает, что простят тех грешников, которые сами считают себя недостойными прощения. Но тогда получается, что, провозглашая свое будущее спасение и заявляя, что самая недостойность делает его достойным, Мармеладов исключает себя из числа прощенных. Ведь он *уже* назвал себя достойным прощения. Однако трагикомические нотки речи Мармеладова не должны закрывать тот аспект монолога Мармеладова, который был назван пророческим. Взаимопроникновение этих двух аспектов особенно очевидно в следующем отрывке: «И всех рассудит и простит, и добрых и злых, и премудрых и смиренных... И когда уже кончит над всеми, тогда возглаголет и нам: “Выходите, скажет, и вы! Выходите пьяненькие, выходите слабенькие, выходите соромники!”» [Там же]. Этот отрывок можно интерпретировать на двух уровнях. Первый – это трагикомическое самооправдание Мармеладова. Он выделяет себя и себе подобных в особую категорию, одновременно унижая и возвышая самого себя. Второй уровень интерпретации связан с пророческим аспектом монолога Мармеладова, основан на диалоге и споре с духовными стихами и призван передать безграничность милосердия Христова.

В структурном отношении Страшный суд Мармеладова точно повторяет картину Страшного суда в духовных стихах. Мармеладов делит грешников на две категории: тех, кого Христос прощает и призывает, и тех, кого Он призывает позже. Читатель/слушатель полагает, что вначале Христос призывает к себе праведников, а потом грешников («Господи! почто сих приемлеш?» – этот вопрос указывает на то, что задают его праведники, а предмет этого вопроса – грешники).

В духовных стихах структурно Суд Христов делится на те же две части, но исход Суда прямо противоположен:

Пойдите, святые Мои, праведные,
 Пойдите, Мои все любимые,
 Пойдите, Христотерпцы-Христотерпники:
 Претерпели страсти разнообразные
 Во всем мире Моего ради имени!
 Пойдите, пророки и апостолы:
 Проповедывали Мое имя во всем мире,
 Моего ради имени!
 Пойдите, пустынные жители:
 Живали вы во горах, во вертепах, во пустынях,
 Скитались вы Моего ради имени!
 Царствуйте во Царствии во небесном!
 Моему царствию не есть конца [1, с. 201]!

Разумеется, источник слов Христа – Евангельский текст: «Тогда скажет Царь тем, которые по правую сторону Его: приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира <...> Тогда скажет и тем, которые по левую сторону: идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его» (Матф. 25:34; 41). Однако непосредственная структура мармеладовского текста, полного повторов («пойдите» повторяется пять раз), отсылает к картине Страшного суда в духовных стихах. Даже слово «выходите» в тексте Достоевского значимо. В евангельском тексте Христос использует слово «идите» (как в русском, так и в церковнославянском переводах: «Тогда речет и сущим ошуюю: идите от мене, проклятии, во огонь вечный, уготованный диаволу и аггелом его»). В духовных же стихах Он говорит грешникам «изыдите»:

Изыдите от Меня прочь, проклятые [Там же]!

Слово «изыдите» было бы крайне неуместно в апологии Мармеладова, поскольку ассоциируется прежде всего с изгнанием дьявола, и оно заменяется на «выходите», имеющее сходное, если не аналогичное значение, но не обладающее особыми коннотациями.

Связь между монологом Мармеладова и духовными стихами подчеркивается также использованием крайне разговорного, подчеркнута народного слова «соромники». Интересно, что евангельское «идите» не используется – Мармеладов либо подчеркнута создает собственный вариант Страшного суда, либо ориентируется прежде всего на народные представления о Страшном суде, слегка подправленные в соответствии с его задачами.

После слов Христа грешники в духовных стихах просят о защите (в Евангелии этот эпизод отсутствует). Традиционно они обращаются к Богородице, но есть варианты, где они также обращаются к праведникам (пророкам и апостолам), которые уже вошли в рай:

Ой, наша Заступленница,
Госпожа Мать Пресвятая Богородица!
Помоли и попроси
Об наших душах многогрешных
Своего Сына Божьего. <...>
Святые пророки и апостолы!
Пролейте вы слезное рыданье Судье Страшному
Об наших душах многогрешных [Там же, с. 203]!

Праведники демонстративно отказываются вступаться за грешников:

Отвечают праведны согласно все:
– Окаянны рабы грешные!
Никому не умолишь, не упросишь
У Судьи праведного
Об ваших душах многогрешных!
Когда в ад пошли, тогда Богу воспокаялися!
Несть вам в аду покаяния,
И не есть вам в аду исповедывания [Там же]!

У суровости праведников также есть евангельский источник, притча о богаче и нищем Лазаре, где Авраам также отказывает богачу в милосердии: «Авраам сказал: чадо! вспомни, что ты получил уже доброе твое в жизни твоей, а Лазарь – злое; ныне же он здесь утешается, а ты страдаешь» (Лк. 16:25). Однако сам Лазарь молчит. В духовных стихах праведники довольно мстительны, но у Мармеладова они оказываются еще более безжалостными и осмеливаются спорить с Самим Христом, оспаривая Его милосердие. И затем Мармеладов описывает реакцию самих грешников на милосердие Христа: «И прострет к нам руце свои, и мы припадем... и заплачем... и все пойдем! Тогда все пойдем!.. и все поймут...» [6, с. 21].

В духовных стихах грешники, осужденные на вечные муки в аду, тоже «припадают» – к земле, проливая последние слезы:

Припадут грешные ко сырой земле,
Начнут грешные горько плакати [1, с. 202]...

Перемены, произведенные Мармеладовым по сравнению с духовными стихами, еще более значимы, чем кажется на первый взгляд. Последнее объятие, последнюю попытку найти защиту у матери земли можно в конечном итоге рассматривать как в основе своей языческое действие, когда люди, осужденные суровым христианским Богом, ищут не защиты, но хотя бы утешения у матери земли. Вспомним работу «Русская религиозность» уже цитировавшегося нами Федотова. Хотя она и написана уже в пору эмиграции, под влиянием стереотипных западных представлений о русской культуре, и в ней явно прочитывается стремление этим стереотипам не только соответствовать, но еще и подкрепить их, с Федотовым нельзя не согласиться, когда он пишет, что русский человек «рос без отца, сыном Великой Матери» [9]. А в «Стихах духовных» Федотов справедливо пишет о том, что в народном христианстве нет подлинно христианского понимания

Троицы, и вместо нее присутствует то, что Федотов называет «основной религиозной двойцей – мужского и женского божественных начал – Христа и Богоматери» [10, с. 32], но Христос русских духовных стихов – это не столько Христос, сколько «Господь Вседержитель» [Там же, с. 33], суровый Бог Ветхого завета. Когда даже Богоматерь отворачивается от грешников, у них остается последнее прибежище – земля. (В этом отношении примечательно, что в одном и том же стихе встречаются следующие фразы: «припадут грешные ко сырой земле», а потом «припадут грешные к Пресвятой Богородице» [1, с. 216-218]).

Делая своего Христа милостивым и прощающим, Мармеладов не только оправдывает себя и себе подобных, он возвращает народному христианству подлинно христианские милость и прощение. Одно и то же слово «припадать» означает в романе Достоевского и в духовных стихах глубоко различные вещи. Если у Мармеладова это слово означает единение и спасение, в духовных стихах оно передает глубочайшее, безнадежное отчаяние. Таким образом, между Достоевским и народной религиозностью существуют структурное сходство и идейные различия. Однако было бы ошибкой утверждать, что Достоевский противостоял народной религиозности в целом. Но надо помнить, что у него никогда не было слепого поклонения народной вере. Все помнят легенду про луковку из «Братьев Карамазовых», но у Достоевского есть и другая луковка, вернее, луковица – в «Записках из Мертвого дома»:

«Один, например, зарезал человека так, за ничто, за луковицу: вышел на дорогу, зарезал мужика проезжего, а у него-то и всего одна луковица. “Что ж, батька! Ты меня посылаешь на добычу: вон я мужика зарезал и всего-то луковицу нашел”. – “Дурак! Луковица – ан копейка! Сто душ – сто луковиц, вот те и рубль!”» [5, с. 42].

Достоевский явно видел в народном христианстве всю его сложность. С одной стороны, он прекрасно понимал своеобразную пеккатологию, в которой жизнь ценится лишь постольку, поскольку она способствует продлению жизни семьи и рода и сохранению их благосостояния, и суровость и непримиримость к тем, кто нарушает эти своеобразные заповеди, и эгоистичную мстительность праведников. Но с другой стороны, он видел и удивительное восприятие непредметных, абстрактных концепций христианского богословия – в духовных стихах есть представление о темном месте, не являющемся ни адом, ни раем, куда попадают души после смерти и где они ожидают Страшного суда, *уже* плача и *уже* радуясь:

Показавши муки, посодютъ в место темное,
До Страшного суда, второго Христова пришествия.
Грешникам идет плачьма невтешимая,
Праведным радость и веселие [1, с. 156].

То есть человек является собственным судьей еще до Суда Божьего, и сердце его может осудить или оправдать его, а следовательно, осуждая себя за свои проступки, человек сознает и источник этих проступков, находящийся в его собственной воле. Это понимание заложено в традиционной фразе, которую произносят грешные на Страшном суде:

Живали мы, грешные, на вольном свету [Там же, с. 212]...

Свободная воля человека, как источник его загробной судьбы, приводит нас к другому аспекту уже не монолога, но образа Мармеладова в целом – к аспекту противоположному, космогоническому, если можно так выразиться, если в космогонию мы включаем грехопадение как причину настоящего состояния человечества.

Однако Мармеладов связан не только с эсхатологическими, но и с космогоническими мотивами. И с христианской космогонией, вернее, с сотворением человека и с его грехопадением Мармеладова соединяет его фамилия, про которую обычно пишут, что в своей приторной сладости она противоречит горькой жизни Мармеладова [2, с. 49]. Однако, насколько мне известно, не обращалось внимание на этимологию самого слова «мармелад». Это слово пришло в русский язык из французского, но оно сложено из двух греческих корней *mel-* и *-melos*, вместе означающих «медовое яблоко» [8, с. 574]. Яблоко – архетипический фрукт индоевропейской культуры (ср. молодильные яблочки русских народных сказок, золотые яблоки Гесперид в греческой мифологии, золотые молодильные яблоки Идунн у скандинавов), поэтому неудивительно, что и никак не поименованный в Библии плод древа познания добра и зла был определен как яблоко. Таким образом, фамилия Мармеладова отсылает к первому акту свободной воли человека, акту противоречия воле Бога, навсегда изменившему как судьбу человечества, так и облик всего мира. Свободная воля как причина всех несчастий человека, тот самый «вольный свет» духовных стихов, зашифрована в фамилии Мармеладова. А «медовая» часть его фамилии, помещенная в библейский контекст, снова отсылает нас к христианской эсхатологии и к пресловутому контрасту горечи жизни Мармеладова и сладости его фамилии: «И я пошел к Ангелу, и сказал ему: дай мне книжку. Он сказал мне: возьми и съешь ее; она будет горька во чреве твоём, но в устах твоих будет сладка, как мед. И взял я книжку из руки ангела и съел её; и она в устах моих была сладка как мёд; когда же съел её, то горько стало во чреве моем» (Откр., 10:9-10). Мармеладов также подчеркивает подобный переход сладости в горечь: «Думаешь ли ты, продавец, что этот полуштоф твой мне в сласть пошел? Скорби, скорби искал я на дне его, скорби и слез, и вкусил, и обрел» [6, с. 21].

В свете «космогонических» отсылок, зашифрованных в фамилии Мармеладова, этот контраст горечи и сладости оказывается не просто иронией некой внеположной Мармеладову силы, но следствием свободных действий самого Мармеладова. Таким образом, история Мармеладова снова выводится за рамки социального феномена и воплощает в себе положение всего человечества, оказавшегося в горьком положении

исключительно по собственной воле, отклонившейся от воли Божией. Подобный анализ фамилии Мармеладова при представлении данной работы в виде доклада на XL Международной конференции «Достоевский и мировая культура» (Мемориальный музей Ф. М. Достоевского. Санкт-Петербург, 10-13 ноября 2015 г. [7]) при обсуждении вызвал возражение, что всякое прочтение фамилии Мармеладова нужно проецировать на его дочь Соню, а поэтому нельзя говорить о соблазне и искусе, которые подразумевает эта фамилия, поскольку невозможно сказать, что Соня искушает Раскольникова. Но Мармеладов и его дочь состоят между собой в тех же символических отношениях, что и Адам и Дева Мария, новая Ева. Через Адама и первую Еву в мир вошли грех и смерть, а через Деву Марию, вторую Еву, в мир пришло спасение. Точно так же и Мармеладов подталкивает Раскольникова к совершению преступления (как и Адам, ничего подобного не имея в виду), а Соня, дочь Мармеладова, дитя человеческое, помогает ему найти спасение.

Итак, Мармеладов со своим монологом оказывается своеобразным микрокосмом, заключающим в себе всю библейскую историю человечества от грехопадения до Страшного суда. Трагикомический пьяница Мармеладов становится символом всего человечества. Как и Адам с Евой, Мармеладов пал по собственной воле и собственной слабости. Подобно тому, как грехопадение Адама обрекло на грех и смерть все человечество, грех Мармеладова вынуждает к совершению греха его дочь Соню и подвергает риску смерти всю его семью, и, подобно Адаму, Мармеладов уповает единственно на милосердие Господне даже к тому, кто этого милосердия по собственному признанию не достоин. Монолог Мармеладова, где он, самоуничжаясь, одновременно возвышает себя, – прекрасный образец человеческой казуистики, которая вызывает у Раскольникова вначале жалость, а потом гнев и желание вновь доказать самому себе свое превосходство над остальным человечеством. Именно «всечеловечность» Мармеладова и его всечеловеческая слабость и легкость, с которой он почти незаметно для самого себя превращает весь мир в свою жертву, одновременно с наивной гордыней собственной откровенностью уповая на будущее свое спасение, так важна в процессе, путем которого Раскольников окончательно укрепляется в решении переступить черту и доказать самому себе свою способность быть не человеком, а богом, распоряжающимся жизнями людей.

Список литературы

1. **Бессонов П.** Калеки переходные: в 2-х ч., 5-ти вып. М.: В типографии М. Семена, 1861. Ч. 2. Вып. 5. 260 с.
2. **Бородин А. В.** Стилиевые особенности художественного мира романа «Преступление и наказание» как средство отражения мировоззрения Ф. М. Достоевского. М.: Православная педагогика, 2004. 115 с.
3. **Бузина Т. В.** Мотивы духовных стихов в романе «Братья Карамазовы» // Достоевский и мировая культура: альманах. СПб.: Акрополь, 1996. № 6. С. 62-81.
4. **Ветловская Е. В.** Достоевский и поэтический мир Древней Руси (литературные и фольклорные источники «Братьев Карамазовых») // Труды Отдела древнерусской литературы ИРЛИ. Л.: Наука, 1974. Т. 28: Исследования по русской литературе XI-XVII веков. С. 298-306.
5. **Достоевский Ф. М.** Полное собрание сочинений: в 30-ти т. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1972. Т. 4. Записки из мертвого дома. 326 с.
6. **Достоевский Ф. М.** Полное собрание сочинений: в 30-ти т. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1973. Т. 6. Преступление и наказание: роман. 422 с.
7. **Ковалевская Т. В.** Микрокосм Мармеладова: грехопадение, апокалипсис и народное христианство: аудиозапись // Архив Мемориального музея Ф. М. Достоевского в г. Санкт-Петербурге. Записано 10 ноября 2015 г.
8. **Фасмер М.** Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. / пер. с нем. О. Н. Трубачева; под ред. Б. А. Ларина. СПб.: Азбука; Терра, 1996. Т. 2. Е – Муж. 671 с.
9. **Федотов Г. П.** Русская религиозность [Электронный ресурс] // Предание.ру: православный портал. URL: <http://predanie.ru/lib/book/90858/#toc1> (дата обращения: 27.11.2015).
10. **Федотов Г. П.** Стихи духовные. Русская народная вера по духовным стихам. М.: Прогресс, Гнозис, 1991. 186 с.

MARMELADOV AS A MICROCOSM: THE FALL, APOCALYPSE AND FOLK CHRISTIANITY

Kovalevskaya Tat'yana Vyacheslavovna, Doctor in Philosophy, Associate Professor
Russian State University for the Humanities
tkowalewska@yandex.ru

The article examines Marmeladov's monologue on Last Judgement, traces the structural parallels and ideological differences between this fragment and folkloric spiritual poetry. For the first time the author analyzes the etymology of the surname "Marmeladov" ("honeyed apple") which indicates his "universal humanity": Marmeladov is similar to Adam who escaped from heaven on his own will. So, Marmeladov becomes a microcosm personifying all the mankind from the beginning till the end of the age, and Raskolnikov's attitude towards Marmeladov and his family embodies Raskolnikov's relations with the humanity.

Key words and phrases: "Crime and Punishment"; etymology; Biblical context; spiritual poetry; Last Judgement.